

Категорический противник моды

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 5

Фильм всего лишь о том, как семнадцатилетний человек, стремясь обрести первый сексуальный опыт, находит свою первую любовь. Миллиция, армия, проститутки, безденежье, институт судебной медицины, то есть фактически морг, — это пространство антисекса вокруг мечты героя о сексе. Герой должен был пройти вот эти круги «ада», противостоящие его цели.

— На мой взгляд, вы сняли почти голливудскую лирическую комедию. В России откровенный лиризм почему-то воспринимается как гиперсентиментализм и не приветствуется. Мы стесняемся быть слабыми или наша врожденная природа «требует» жестокой драмы?

— На мой взгляд, у нас более суровое отношение к себе, к миру и — как следствие — к киносюжетам. Чтобы в нашем кино герой доказал правильность своих идей, он обязательно должен умереть. А в американском кино он обязан остаться в живых! Это проблема разного подхода к истории, религии. Для нашей культурной традиции неорганично оставлять героя в живых.

— Как же вы решились поступить вопреки нашим жестоким традициям?

— Герой фильма не рушит стены, он только входит в

ляют, я стараюсь их избегать. За исключением всяких церемоний, имеющих отношение к кино. Там я бываю, потому что считаю их частью моей профессии.

— Сейчас многие актеры и режиссеры занимаются бизнесом, открывают магазины, рестораны. Вы чем-то подобным занимаетесь?

— К сожалению, нет. Я бы с удовольствием что-нибудь открыл левой ногой, но, как показывает жизнь, одной левой ничего сделать не получается. А бросать кино ради ресторана или магазина я не хочу.

— В фильме вы декларируете романтическое отношение к любви и почти донжуанское отношение к женщинам. Вы придерживаетесь этих позиций в жизни?

— Не могу сказать, что я человек циничный, но и особой романтики в себе я никогда не находил. У меня отец был очень сентиментальным человеком. Например, когда он видел по телевизору пионера в галстук — у него по щекам текли слезы. Наверное, он что-то вспоминал и был настолько душевно мягок, что от воспоминания плакал.

— Вы сын Евгения Евстигнеева и Галины Волчек, вас это радует или «мучает»?

— Мучило, когда был молодой — страдал и комплексовал. Боялся, что меня ценят не за мои достоинства, а за то, что я

Не могу сказать, что я человек циничный, но и особой романтики в себе я никогда не находил

жизнь, созерцает ее и чему-то учится. Зачем же его умерщвлять, если у него вся жизнь впереди!

— «Займемся любовью» радикально отличается от всего того, что вы делали в кино раньше. После просмотра возникает ощущение, будто фильм снимал никому не известный режиссер, но никак не Денис Евстигнеев.

— Я никогда так не переживал, как на съемках этой картины, — просто умирал от страха. Эта работа заставила меня на многое посмотреть по-другому, и прежде всего на самого себя. Я понимал, что могу снять хорошее кино, если откажусь от каких-то личных амбиций. Я снимал эту картину так, как будто она первая в моей жизни.

— Всякий новичок мечтает стать модным режиссером...

— (Перебивает.) Я категорический противник моды.

— Кривите душой.

— Клянусь, что нет! Мода в кино поверхностна и сиюминутна, она не имеет отношения к искусству.

— Мода — это коммуникационный процесс, посредник между разными людьми. Мода часто эпатирует, но это же хорошо? Искусство обязано удивлять.

— Я готов удивлять зрителя историями страсти, историями жизни людей, но удивить клипом, где все будет по потолку ходить, не хочу! Путь моего удивления — эмоции. Я не очень люблю формальное творчество. Мне интересно делать реалистическое кино и копаться в психологических нюансах.

— В вашем фильме звучит много музыки — и Чичерина, и Дибров. А какую музыку предпочитаете вы лично?

— Открою вам секрет: я музыке не слушаю. Я от музыки устаю, лишние звуки меня нервируют.

— А как же жена? Когда она в доме, то, наверное, имеет свойство издавать много звуков... Она у вас говорит?

— К звукам человеческого голоса я уже привык.

— А в гости ходите?

— Да. Я люблю хорошие компании. Но официальные приемы меня страшно утом-

ляют. Но я знаменитых артистов. Но время избавило меня от этого недуга.

— Чего вы больше всего боитесь в жизни?

— Да ничего, наверное.

— Быть такого не может! Не боитесь появления маньяка, когда идете по темной безлюдной улице?

— Пока не встретил — не боюсь, когда встречу — обязательно отвечу вам, какие чувства испытал.

— Маме жалуетесь, если в семье или на работе неприятности?

— Нет. Никому не жалеюсь. Все в себе держу. Пытаюсь выдать из себя негатив долгим и упорным молчанием.

— Вы молчун?

— Да, я говорю меньше, чем надо.

— А за женщинами тоже молча ухаживаете?

— В процессе ухаживания важно не количество произнесенных слов, а их качество.

— Насколько важна для вас в браке или в дружбе психологическая совместимость?

— Для меня важнее человеческая несовместимость. В любом общении главное, чтобы не было скучно. А чтоб было не скучно, нужны антагонисты, нужны люди с разными позициями, с разным юмором, с разным плачем. Это создает конфликт, который всегда движет историю — и в кино, и в жизни. Мне кажется, что самые безнадежные отношения — это когда два «голубя» встречаются и воркуют. Это воркование может продлиться полгода, а дальше им уже не о чем будет разговаривать!

— Вы ревнивый?

— Я не Отелло.

— В армии служили?

— Да

— В каких войсках?

— В билете у меня написано: в военное время специалист ансамбля песни и пляски.

— Боже! Да вы же музыку не любите, как же вы поете?

— Я не пою.

— Так что же будет, если война начнется?

— Запою!

— Гвозди в стены родные вбиваете? Что-то делаете руками в доме?

— Только под большим давлением. Но у меня есть дрель! ■